

ЁЖИК

Электричка «Калуга — Москва» медленно тащилась от остановки к остановке, постукиванием колёс навевая кратковременный изнуряющий сон, прерываемый хлопанием дверей и возгласами пассажиров, занимающих свободные места. Мы возвращались в столицу после ряда концертов, данных нами — дуэтным театром «Улыбка Пьеро», состоящим из меня и моей жены Веры, — в небольших городках Калужской области. Нам какое-то время везло — места рядом с нами никто не занимал, и мы вольготно разложившись на жёстких сиденьях, покорно ждали окончания путешествия. На очередной станции было особенно шумно — народ возвращался домой после выходных дней, проведённых в праведных трудах на своих дачных участках. Напротив нашего окна толпилась шумная компания, в которой выделялся здоровенный парень с телефоном в одной руке и банкой пива — в другой. Он одновременно проделывал несколько операций: говорил по телефону, прощался с друзьями и отхлёбывал из банки содержимое. Мы с женой переглянулись — только бы не к нам! Всевышний «услышал» наши мольбы — через несколько секунд этот верзила рухнул на скамейку рядом с нами, продолжая громко разговаривать по телефону. Мы с Верой просто ненавидим громкие звуки, откуда бы они ни исходили — радио, телевизор или просто разговор по телефону постороннего человека, не обращающего на вас внимания и не учитывающего того неудобства, которое он доставляет. Но одна фраза этого увальня заставила нас переглянуться и даже улыбнуться от неожиданности. Видимо, наш попутчик договаривался с друзьями о встрече этим же вечером у него на квартире, поскольку свой монолог он закончил словами: «Короче, я вас жду! Тут и Костя с Верой обещали подъехать!» Как нам было не улыбнуться? Я — Константин, моя жена — Вера. Наше поведение не ускользнуло от внимания нашего попутчика, но его реакция была полной неожиданностью для нас.

— Извините! Я что, громко разговариваю? — спросил он. И не дав нам ответить, продолжил, — это ничего, если я буду пить колу?

— Да нет, мы по другому поводу, — стали оправдываться мы. — Дело в том, что наши имена — Костя и Вера.

Тут настало время удивляться нашему попутчику.

— Надо же! А меня зовут Андрис. Андрей по-русски. Я из Прибалтики.

— Из Прибалтики?! А откуда конкретно? — это уже не выдержала Вера. До свадьбы она жила в Латвии, пока не уехала по путёвке комсомола в Артек, где мы и познакомились. В Риге до сих пор живёт её брат Женя.

- Из Латвии.
- А город?
- Сначала Тукумс, потом Даугавпилс.

Это можно было сравнить разве что с выигрышем в лотерею: Верина семья жила именно в Тукумсе, а училась Вера в Даугавпилском институте. Нужно сказать, что мы сразу обратили внимание на прибалтийский акцент попутчика. От нашего предвзятого отношения к соседу по электричке не осталось и следа. Дальнейшее путешествие было наполнено оживлённой беседой, как правило, значительно сокращающей долгий путь.

Говорил, в основном, Андрис, мы же внимательно слушали его, время от времени уточняя отдельные детали. А начал он с того, что служил в Афганистане в разведгруппе. Специальность — сапёр. Много чего повидал и испытал. Но когда вернулся домой в Латвию, в военкомате ему заявили, что, мол, мы вас туда не посылали, так что ни о каких льготах и пенсиях и речи быть не может. Тут и Союз распался. В Латвии безработица, народ ринулся, кто на Восток, кто на Запад — на заработки. Андрис, недолго думая, отправился в Москву к своим сослуживцам, которые помогли с трудоустройством. Афганское братство скреплено кровью. Жениться, обзавёлся жильём и даже дачей, с которой сегодня и возвращается вечерней электричкой.

В общем, разговор как разговор, ничего особенного. Но, судя по всему, Андрису понравилось, как мы слушали его, (а это мы, артисты, умеем) и он, почуяв в нас родственные души, поведал нам такую вот историю.

Их разведгруппа состояла из пятнадцати человек, среди которых были снайпер, радист, сапёр, пулемётчик, командир и другие специалисты, необходимые в данном подразделении. При этом все они практически могли заменить друг друга. На войне, как на войне. Жили, ходили на операции, обустроивали, как могли, свой армейский быт. У большинства ребят были клички, придуманные там же в Афгане. У Андриса была кличка Ёжик, видимо потому, что его фамилия переводилась с латвийского как Ёжик — Эзитис.

И вот однажды к ним в часть прибыл подполковник из Москвы, которому нужно было срочно принять участие в боевых действиях, чтобы получить орден или ещё одну звёздочку на погоны, а может быть, и то и другое сразу.

В Афгане таких не любили. А за 9 лет войны там подобных типов перебивало видимо-невидимо. Сама война, казалось, будет длиться бесконечно. От неё устали все — и наши ребята, и сами «духи». Поэтому некоторые командиры умудрились договориться с местными главарями о мирном сосуществовании, мол, мы вас не трогаем, вы нас не трогаете. Но такие перемирия не могли быть долгими, а посему наши самолёты регулярно отвозили в Союз «груз 200» и «груз 300».

Приехавший подполковник рвался в бой. Как назло, его определили именно в группу Андриса и отправили на задание, которое заключалось в следующем: надо было разведать обстановку в одном кишлаке, где, по сведениям информаторов, мог находиться отряд духов. Ну, задание, как задание. Не в первый раз. Сели, поехали. Не доезжая кишлака, остановились, разбились по группам, скрытно подошли к глиняным постройкам и тут выяснили, что кишлак пуст. Ни духов, ни мирных жителей — никого. Все ушли.

Стали прочёсывать каждый дом и вдруг в одном из них обнаружили наших пленных бойцов, человек пять. Все измученные, голодные, в изодранной одежде, но живые. Только один из них лежал в углу без признаков жизни. Пленные сказали, что он ещё жив, пульс прослушивается, но вот-вот может отправиться на небеса. При

захвате он был ранен, но никто, разумеется, не собирался оказывать ему никакой медицинской помощи.

Подошёл подполковник, явно разочарованный таким результатом операции, и безапелляционно заявил, что, мол, этих четверых мы забираем, а того оставляем. Он, мол, всё равно не жилец, зачем нам труп на себе тащить? Сдохнет по дороге. Парни из группы зароптали было, мол, у нас принято всех забирать — и живых, и мёртвых. Но подполковник рявкнул: «Выполнять!! Я тут командую! Приказы не обсуждать!» И вышел наружу. Ребята только переглянулись, но перечить никто не посмел. И тут вдруг начался арналёт. Духи, дождавшись, когда разведгруппа полностью войдёт в кишлак, обрушили на неё миномётный и пулемётный огонь. Разведчики заняли круговую оборону, а радист стал вызывать подкрепление по радиии. Все ребята не раз бывали в подобных передрыгах, поэтому каждый знал, что ему делать. Один подполковник вёл себя неадекватно, постоянно путаясь под ногами и отдавая нелепые приказы вплоть до призыва идти в атаку на врага, которого фактически не было видно.

В этом месте Андрис замолчал. А потом неожиданно сказал: «И тут я выстрелил ему в спину».

Повисла пауза. Мы не знали, что на это сказать. Через некоторое время он продолжил свой рассказ:

— Подошли БМП, поддержали нас огнём. Духи ретировались. Мы собрали всех — раненых, пленных, убитого подполковника и того парня, который уже не подавал признаков жизни, и вернулись в расположение нашей части. В суматохе боя никто не видел, как был убит подполковник...

— Срок моей службы закончился, и я вернулся домой. Прошло много лет. И вот недавно в День ВДВ возвращаюсь я с дачи, иду по Киевскому вокзалу и вдруг слышу — «Ёжик!»

Я обернулся. От группы ребят в тельняшках отделился один парень и, улыбаясь, подошёл ко мне.

— Ты Андрис? — спросил он, — Не узнаёшь?

— Нет, — отвечаю я.

— А помнишь кишлак, пленных ребят и доходягу, которого вы вынесли оттуда, несмотря на то, что он был почти труп?

— Ну, помню.

— Так вот этот доходяга — я.

— Неужели выкарабкался?! — спрашиваю, не веря своим глазам.

— Выкарабкался, — отвечает. — Медики наши постарались. Сначала в Афгане лечили, потом в Союз отправили.

— А откуда узнал, что меня Ёжиком звали?

— Да твои же ребята сказали. И про приказ этого рвача, и про то, кто его убрал. Они всё видели, но молчали. Только когда меня отправляли в Союз, кто-то из них шепнул мне: «Ёжика благодари».

Электричка подошла к Киевскому вокзалу. На прощанье мы обменялись с Андрисом телефонами, пообещав пригласить его на наш концерт в Москве.

Примерно через полгода мы опять приехали в столицу с новой концертной программой. Вера набрала номер телефона Андриса. Телефон долго не отвечал. Потом женский голос на просьбу позвать к телефону Андриса сказал:

— Он умер. Сердце...

МАТРОС С ЛИНКОРА «НОВОРОССИЙСК»

И вновь актёрская судьба забросила меня в Калужскую область. Мы с женой Верой были приглашены выступить в Полотняном Заводе, расположенном недалеко от городка Кондрово, в бывшем имении Гончаровых, в котором когда-то Пушкин сделал предложение руки и сердца Наталье Николаевне. Нас привезли в прекрасно отреставрированное четырёхэтажное здание, в котором регулярно проводятся творческие встречи с известными музыкантами, актёрами, певцами, поэтами. Публика тоже была не «с улицы» — постоянные посетители, объединившиеся в клуб «Созвучие», истинные любители и знатоки искусства. Нас заранее предупредили, что зрителя будет непросто удивить, мол, у нас тут даже столичных артистов не очень-то жалуют, а тут какие-то крымчане приехали. Нужно сказать, что нас пугать бесполезно. Мы звёзд с неба не хватаем, но и за ценой не постоим. А то, что делаем — делаем с полной отдачей. Кстати, в отличие от московских гастролёров, мы постоянно выступаем в сценических костюмах, специально заказанных и пошитых у превосходных театральных мастеров, и не позволяем себе выходить на сцену в том, в чём приехали. Ну, это так, к слову.

С первой же песни, а это был романс «Посвящение жёнам декабристов», написанный для фильма Андрея Ростоцкого «Мужская компания», зал стал не просто аплодировать, но бисировать. И так продолжалось до окончания концерта. В финале же, когда я запел «Гимн Севастополя 1853–55 гг.», зал просто встал и стоя прослушал всю песню. Как потом выяснилось, первым подал пример и встал среднего роста седой человек плотного телосложения, сидевший с краю у выхода из зала. Во время традиционной раздачи автографов он подошёл ко мне и сказал буквально следующее:

— За всю свою жизнь я всего дважды был счастлив: в первый раз в 1955 году, когда служил на линкоре «Новороссийск», и к нам приехал с выступлением ансамбль Игоря Моисеева. В нашей суровой матросской жизни это был необыкновенный праздник. И второй раз — сегодня. Спасибо вам за ваше выступление!

Я был ошеломлён таким признанием. Думаю, что Валентин Павлович Махорин несколько преувеличил свою оценку моего выступления, да и в том, что он был счастлив только дважды, тоже можно усомниться, особенно после того, как узнаешь необыкновенную судьбу этого уникального человека. Позже, неоднократно встречаясь с Валентином Павловичем, я услышал из его уст историю, о которой хочу поведать вам.

Вначале немного истории. Линкор «Новороссийск» был построен в Италии и вступил в строй в 1914 году под именем «Джулио Чезаре» (Giulio Cesare — Юлий Цезарь). Длиной 186,4 м, шириной 28 м и водоизмещением 28 000 тонн, этот дредноут уже во время Первой мировой войны уступал новым английским кораблям такого типа и по ходовым, и по боевым параметрам. Тем не менее, для итальянцев он был символом мощи и гордости национального флота. Ни разу не вступив в сражение в ходе Первой мировой, «Джулио Чезаре» не очень-то отличился и во Второй мировой войне, хотя ему пришлось пострелять и даже получить довольно серьёзные повреждения. В результате этих повреждений линкор с 1943 по 1945 год простоял в порту в качестве плавучей казармы. После поражения Германии и её союзника Италии, страны победительницы стали делить итальянский флот. Сталин рассчитывал, конечно, получить новые итальянские корабли, но ему пришлось довольствоваться старым линкором, к тому времени изрядно запущенным, с изношенными механизмами, да к тому же не предназначенным для плавания в наших широтах. Дредноут был передан СССР не сразу, а после двухгодичного «ремонта», во время которого, судя по всему, итальян-

цы заложили в носовое отделение линкора солидный заряд взрывчатки, сыгравший впоследствии роковую роль. Наши специалисты обнаружили глухо заваренную переборку в носовой части корабля, в то время как там должны были быть отверстия, но не придали этому значения. В конце концов, линкор был передан советской стороне и вошёл в состав ВМФ СССР под именем «Новороссийск». Во время передачи корабля СССР по всей Италии прошли массовые протесты с призывами не допустить такого унижения, чтобы «Юлий Цезарь» служил стране Советов.

Но вернёмся к нашему герою. Валентин Махорин поступил на службу в артиллерийский дивизион линкора «Новороссийск» в качестве корректировщика тысячных дистанций главного калибра в 1955 году. В то время на флоте служили пять лет, но с двумя положенными отпусками. Молодому матросу посчастливилось познать все прелести морской жизни: были походы, учебные стрельбы, ремонт в доке, увольнение на берег, знакомство с городом русской славы Севастополем.

Ночь с 28 на 29 октября 1955 года останется в памяти Валентина Павловича до последних дней. Вечером 28 октября линкор только что вернулся с учебных стрельб и занял своё место у выхода из Северной бухты. Флот готовился к празднованию 100-летней годовщины 1-й Обороны Севастополя. Командир корабля был в отпуске. В это время его замещал старпом, капитан 2 ранга Г. А. Хуршудов. Вероятно, от недостатка опыта Хуршудов не попал точно на то место между бонами, где линкор стоял накануне, в результате чего корпус корабля сдвинулся относительно бонов на пару десятков метров. Возможно, именно это сыграло свою роль в развитии дальнейших событий. Как известно, в 1 час 31 минуту 29 октября 1955 года город проснулся от чудовищного взрыва, проделавшего в носовой части линкора пробоину в 150 квадратных метров. Взрыв был такой силы, что пробил все палубы и переборки линкора насквозь, вырвав часть верхней палубы. Поскольку пробоина в днище и отверстие в палубе не совпадали, есть предположение, что сдетонировала именно та взрывчатка, которую, возможно, заложили в носовой части линкора итальянцы во время так называемого «ремонта». Но взрыв мог быть гораздо мощнее, если бы сдетонировал боезапас главного калибра самого линкора, который находился буквально в 15–20 метрах от пробоины. Тогда взрыв разрушил бы не только сам корабль, но превратил в развалины и большую часть города.

Если принять за причину гибели линкора диверсию, на что есть весьма веские основания, то итальянские морские пловцы могли заминировать корабль, который довольно продолжительное время стоял на болах и лишь 28 октября неожиданно вышел в море. Поскольку итальянцы досконально знали бывший свой дредноут, они точно рассчитали, где находится пороховой погреб. Но не стали крепить магнитную мину к корпусу, что могло быть услышано акустиком, а установили заряд под днищем корабля на дне бухты. К тому же, мощность взрыва, по оценкам специалистов, была от 1000 до 1200 кг в тротиловом эквиваленте. Таковую мину просто так к днищу не прикрепишь. Выход в море «Новороссийска» вообще мог сорвать диверсию, не вернись он на место стоянки к вечеру 28 октября. Часовая мина могла взорваться на пустом месте.

В пользу этой версии говорят многие факты. Например, в этот день в море вышли все спасатели и сторожевики, а боновые ограждения оставались открытыми, что могло способствовать проникновению в порт мини-подлодки, которые в то время были у итальянской 10-й флотилии «Дечима МАС», возглавляемой легендарным «чёрным князем» Валерио Боргезе. К тому же, это итальянское диверсионное подразделение

во время войны базировалось именно в Севастополе и прекрасно знало все укромные уголки порта.

Кроме этого, Севастопольские ихтиологи, прослушивая 28 октября акваторию порта, слышали шум винтов, о чём доложили руководству Флота, но там это сообщение проигнорировали.

Ещё одно совпадение заставляет задуматься о причастности Италии к этой катастрофе. Именно итальянские суда, все как один, к 28 октября покинули акваторию Севастопольского порта.

И вот именно ошибка старпома при швартовке привела к тому, что заряд, установленный под пороховыми погребами до выхода линкора в море, во время возвращения «Новороссийска» рванул в 20 метрах от места, рассчитанного диверсантами.

Это, разумеется, только предположения. Но как объяснить тот факт, что в 1 час 31 минуту произошёл взрыв, в 4 часа 14 минут линкор перевернулся вверх килем, а в 5 часов утра английская радиостанция уже заявила на весь мир о взрыве линкора «Новороссийск»? Англия, кстати, тоже была очень заинтересована в гибели линкора, так как, по некоторым сведениям, советское командование планировало оснастить 320-миллиметровые орудия главного калибра снарядами с ядерной начинкой. А линкор хоть и был устаревшим, но к тому времени он оставался самым мощным кораблём Советских ВМФ.

Итак, в 1 час 31 минуту 29 октября 1955 года под линкором прогремел взрыв, пробивший насквозь все палубы корабля и мгновенно унёсший около двухсот жизней моряков, поскольку он прошёл через матросские кубрики. По воспоминаниям Валентина Павловича, именно в этот день на линкор для прохождения службы прибыло около двухсот морских пехотинцев, которых и разместили в носовых кубриках линкора.

Сам Валентин только что сменился с вахты, но не успел уйти в свой кубрик — взрыв встретил на палубе. Командование корабля, после выяснения повреждений, приняло решение отбуксировать линкор на мелководье, что и стало осуществляться, но прибывший на линкор командующий эскадрой контр-адмирал В. А. Пархоменко отменил это распоряжение, а когда передумал, было уже поздно, поскольку линкор носом лёг на грунт. Сам Пархоменко так и не поднялся на капитанский мостик, предпочитая руководить с кормы, откуда потом и спрыгнул в воду, когда линкор стал переворачиваться. Не было также приказа покинуть судно, что могло бы очень сильно сократить количество погибших. Всему составу, не занятому в спасении корабля, приказали собраться на юте (на корме), где столпилось около 1000 человек. Линкор медленно кренился на левый борт. Яснее всех ситуацию с линкором знал командир БЧ5 Е. М. Матусевич. Он отчётливо понимал бесполезность своих усилий заделать пробоину в 150 квадратных метров, поэтому удалил всех из «поста живучести», а сам остался и погиб, потому что не имел права уходить.

Крен линкора увеличивался и вскоре достиг критического, когда в 4 часа 14 минут корабль стремительно перевернулся вверх килем. Валентин видел своими глазами, как мачта линкора разнесла в щепки только что отошедший от левого борта баркас с ранеными моряками. Сам Валентин вместе с сотнями своих товарищей скатился в воду и оказался накрыт сверху перевернувшейся палубой линкора. Во время падения он не получил никаких ранений, но вынырнуть наверх не позволяла плотная масса барахтающихся и хватающихся друг за друга тел. Промелькнула мысль: — неужели это всё?! Неужели на мне закончится род Махориных?! (В семье было семеро детей, но четверо погибли во время войны, остались две сестры и он, последний мужчина

в роду). Уже теряя сознание, Валентин вдруг увидел картину, которую вспомнил потом несколько лет спустя: яркий солнечный день, перрон, и по перрону навстречу Валентину с вытянутыми вперёд руками бежит девочка и, улыбаясь, что-то кричит.

И тут вдруг произошло чудо: место, где находился Валентин во время опрокидывания линкора, было рядом с вентиляционными шахтами. Вода, проникшая в эти шахты, выдавила оттуда огромный воздушный пузырь, который, как катапульта, вышвырнул из-под перевёрнутой палубы целую толпу задышавшихся моряков, среди которых был и Валентин. К этому времени всё место трагедии было хорошо освещено подошедшими плавсредствами, занятыми спасением линкора, поэтому, когда наш герой увидел свет над головой, уверенность вернулась к нему, и он без особого труда преодолел те десять-пятнадцать метров, что отделяли его от живительного воздуха. Вынырнув, Валентин увидел неподалёку перевёрнутый баркас и вскарабкался на него. Но тут он заметил, что к этому баркасу устремились десятки тел, способных просто утопить этот крохотный островок спасения, и, не дожидаясь развязки, Валентин вновь прыгнул в воду и поплыл к спасательному катеру, который и доставил его на берег прямо к госпиталю. Во время катапультирования из-под палубы линкора с Валентина сорвало бушлат и ботинки, в результате чего он предстал перед медсестрой, по его словам, «в одних часах и трусах». В одной руке у сестры было ведро с разбавленным спиртом, а в другой — кружка.

— Выпьешь, сынок? — спросила она. Валентин кивнул. Сестра зачерпнула кружкой спирт и подала Валентину. Он залпом выпил.

— Ещё? — спросила сестра. Валентин опять кивнул. Сестра опять зачерпнула спирт кружкой и подала ему. Он опять выпил, после чего повалился на койку в палате и проспал до утра.

Наутро всех спасшихся переодели, накормили, напоили и отправили хоронить погибших. Похороны были на кладбище Коммунаров. В этот день похоронили 42 человека.

Много лет спустя Валентин Павлович, приехав в гости к сестре, попенял ей на то, что у неё в доме нет ни одной иконы. «Так подари!» — сказала она. Делать нечего, сам попросился. Валентин Павлович отправился в ближайшую церковь и попросил продать ему икону Божьей Матери. Женщина, заведовавшая лавкой, немного поискав, спросила:

- А вы когда родились?
- 26 декабря, - ответил он.
- А знаете, кто ваш покровитель?
- Нет.
- Божья Матерь спасительница утопающих.

Спасательные работы продолжались. Они заключались в том, чтобы извлечь из чрева линкора моряков, замурованных во внутренних помещениях. Днище линкора возвышалось над водой из-за скопившегося внутри воздуха. Кому-то пришла в голову мысль прорезать днище отверстия резакон и высвободить пленников. Однако, вместе с первой партией спасённых, а их было семь человек, стал выходить и воздух, поддерживающий линкор на плаву, что привело к полному затоплению корабля и гибели оставшихся моряков. Единственно кому удалось спастись, это двум матросам, замурованным в 32-м кубрике, которых вывели водолазы, доставив им лёгкие водолазные костюмы.

У всех спасшихся особый отдел взял расписку «о неразглашении тайны», в результате чего целых 33 года в СССР не было ничего известно о взрыве и гибели линкора «Новороссийск». Только в 1988 году в «Правде» было впервые официально сообщено о трагедии 1955 года. В настоящее время погибшими считается по некоторым данным 607 человек. Но входят ли туда те 200 морских пехотинцев, прибывших на линкор в день трагедии и первыми погибших от взрыва? Только 1 ноября водолазы перестали слышать стук замурованных моряков, взывавших о помощи.

Но на этом история матроса Махорина не заканчивается. После гибели «Новороссийска» Валентин Павлович продолжил службу на крейсере «Куйбышев», на котором в октябре 1957 года ходил в Югославию. Это именно тот знаменитый «дружественный визит» Советского ВМФ, который возглавил маршал Победы Г. К. Жуков, в то время как Н. С. Хрущёв организовал пленум по устранению Жукова с политического Олимпа. Во время этого похода Жуков своим приказом отменил все учения на крейсере, заменив их просмотром кинофильмов и концертами ансамбля песни и пляски Черноморского Флота. В это легендарное время Советский Союз запускал в космос первые спутники Земли, и наших моряков встречали в Югославии как героев. Каждый матрос получил благодарность с личной подписью Жукова.

Но вот служба закончилась. Матрос Махорин вернулся домой, женился, у него родилась дочь. И вот однажды молодой отец и муж возвращался домой из командировки, и на вокзале, неожиданно для самого себя, увидел ту же самую картину, которая привиделась ему в угасающем сознании под перевёрнутой палубой линкора, в кишасей массе гибнущих людей: ему навстречу с вытянутыми вперёд руками, улыбаясь, бежала ТА САМАЯ девочка и что-то радостно кричала. Это была его дочь.